

литературе XX в. в качестве *концептуально-структурного сверхтекста*. Автор анализирует поэмы «Двенадцать» А. Блока и «Анна Снегина» С. Есенина, романы «Мы» Е. Замятина, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Зависть» Ю. Олеши и др. Интертекст поэмы Пушкина выявляется на уровнях сюжетно-повествовательном, изобразительно-выразительном, персонажном. Во всех перечисленных произведениях разрабатываются мотивы укрощения стихий (человеческой и природной), созидательно-разрушительной воли власти и природы, требующей жертв, мотив катастрофического утопического проекта переустройства мира и др. «Воплощенные в поэме смыслы, — поясняет автор, — складываясь в катастрофическую картину мира и находя подтверждение в самой революционной реальности, входили в событийно-образную плоть создающихся литературных произведений, будучи узнаваемы в них как хорошо известные пушкинские мотивы “петербургской повести”» [с. 264].

Подытоживая все вышесказанное, следует подчеркнуть, что монография А. Б. Перзеке, безусловно, представляет содержательный вклад в литературоведческую науку и современную пушкинистику.

УДК 821.161.1.091

В. Г. Щукин

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О ЛИТЕРАТУРЕ БОЛЬШОГО УРАЛА

Рец. на кн.: История литературы Урала : Конец XIV–XVIII в. / глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. — М. : Языки славянской культуры, 2012. — 680 с. : ил.

«Россия обречена на громкое звучание региональной проблематики» [с. 11]¹. Этими словами одного из редакторов рецензируемой книги, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН и профессора Уральского федераль-

¹ Здесь и далее в тексте рецензируемое издание цитируется с указанием в квадратных скобках соответствующей страницы.

ного университета Елены Константиновны Созиной, мне хотелось бы начать обозрение данного поистине фундаментального исследования. В самом деле, русское государство изначально было не столько многонациональным, как принято было считать долгие годы, сколько «многорегиональным». Территории, на которых проживает однородное по своему этническому составу население, конечно, существуют, но преобладают вовсе не они. Еще труднее найти и показать на карте «исконно великорусские» земли, так как при ближайшем рассмотрении окажется, что в Смоленской области существуют районы плотного расселения белорусов, в Курской и Белгородской — украинцев, в Рязанской — татар, а в Костромской — угро-финской народности меря. И это не результат миграций последних ста лет, а веками слагавшаяся демографическая структура. Следовательно, в самом центре Восточно-Европейской равнины процветало не только великорусское словесное творчество, но и творчество иных племен и народностей, которые вместе с русскими составляли *региональную культурную общность*. И если к началу XVIII в. в результате ассимиляционных процессов в центрально-великорусском регионе практически все произведения письменной словесности писались по-русски, то в предыдущие столетия картина была совсем иной, гораздо менее монолитной. Именно поэтому стоит изучать не только древнерусскую, древнетатарскую или древнечувашскую словесность, но и историю литературы центральной Великороссии как целостного культурного региона.

Знаменательно, однако, что первым регионом России, литература которого стала предметом широкомасштабного комплексного исследования и описания, стал Урал. Уральский регион в определенном смысле уникален. На бывших землях Великого Княжества Литовского и Ливонского ордена, а также на Кавказе и в Центральной Азии русская крестьянская колонизация столкнулась с культурой народов, имевших развитые устные и письменные традиции. Ни о русской культурной доминации, ни о русско-туземной интерференции на этих землях не могло быть и речи. Противоположная ситуация сложилась в Сибири, где пришлое русское население стало численно преобладать над аборигенами, тесня их культуру. И лишь в Приуралье и Урало-Поволжском регионе, по словам Е. К. Созиной, «несмотря на возрастающую ассимиляцию местного населения и русских, удмурты,

коми, мордва, татары и другие народы сохраняли основы этнических религий и самобытное искусство, ставшие затем базой этнонациональных идентичностей» [с. 11]. Сказанное в еще большей степени касается самой развитой культуры региона — башкирской, еще в древности обладавшей мощными фольклорными и письменно-литературными корнями, которые связывали ее с тюрко-арабо-персидским культурным ареалом. Еще до начала бурного многостороннего развития в XVIII в. Урал приобрел свою культурную и, как следствие, литературную идентичность не как национальная, а как многонациональная территория, придя на которую, великорусы сложились как нация вне коренной Руси, среди «инородцев». Его уникальность заключается в том, что уральские и приуральские земли, не будучи исторически связанным с русскими княжествами XI–XV вв., в результате русской колонизации, а по большей части просто завоевания, и по сей причине неуклонно психологически отчуждаясь от культурного и политического центра страны, «сделались преимущественно *русскими* составными частями империи, в которых литература коренных народов имела большею частью дописьменный характер и сформировалась значительно позже (здесь и далее в цитатах курсив авторов. — В. Щ.)» [с. 12]. Став русским, Урал всегда отличался сильно развитым региональным самосознанием. Примером могут послужить местные литературные сообщества в региональных центрах, деятельность которых «переставала зависеть исключительно от культурных усилий столицы, обретая самобытные центры развития. Эти локальные культурные силы смотрели на регион, в котором они появились, словно *изнутри*, предоставляя читателю в своих текстах опыт *самоописания* территории, т. е. такого ее освещения, которое велось с точки зрения укорененного в ней человека, а не “завоевателя” или “покровителя”» [Там же].

В настоящее время можно говорить о завершении первого этапа многолетней работы по изучению литературы Урала. Ее результатом стал научный труд академического характера, появившийся в начале прошлого года в виде солидного, хорошо иллюстрированного первого тома «Истории литературы Урала», выпущенного в свет издательством «Языки славянской культуры». Издание было осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Эта первая часть многотомной монографии посвящена

развитию различных форм литературной жизни уральского региона с конца XIV до конца XVIII в. В ее создании участвовал творческий коллектив, годами трудившийся над осуществлением проекта. В него входили научные работники не только Урала и Сибири, но и других регионов страны; не только филологи, но и историки: К. В. Анисимов, В. В. Блажес, В. М. Ванюшев, Т. Г. Владыкина, А. Х. Вильданов, О. Д. Журавель, О. В. Зырянов, М. Х. Идельбаев, Н. С. Корепанов, Д. В. Ларкович, П. Ф. Лимеров, П. И. Мангилев, Н. А. Мудрова, М. Х. Надергулов, В. А. Павлов, Е. П. Пирогова, Е. Е. Приказчикова, А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева, В. Д. Рак, Е. К. Ромодановская, Л. С. Соболева, Е. К. Созина, В. Н. Соломеина, Р. З. Шакуров, З. Я. Шарипова, а также народный писатель Республики Башкортостан А. Х. Хакимов, который перевел на русский язык две главы о средневековой башкирской литературе. Книга создавалась на базе Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Необходимость академического исследования истории литературы Урала назрела в 1980-е гг., когда профессор Уральского университета И. А. Дергачёв изложил свое понимание литературного развития региона в двух программах. В конце десятилетия созданный им коллектив начал работать над «Очерками русской литературы Урала», закончить которые помешала его кончина в 1991 г. Работу продолжил Ю. А. Мешков, но проект и здесь остался неосуществленным. Проблемами региональной литературы занимался также профессор Челябинского университета А. И. Лазарев. В то же время в последние десятилетия XX в. появились трехтомная «История коми литературы» (1979–1981), двухтомная «История удмуртской советской литературы» (1987) и 6-томная «История башкирской литературы» (1990–1996). В самом конце прошлого столетия «пришло осознание того, что атрибутивным свойством региональной литературы является ее многонациональный характер, и коллектив вузовских ученых региона, возглавляемых Н. Л. Лейдерманом и Е. К. Созиной, продемонстрировал это в книге для учителя «Литература Урала: Очерки и портреты», где была охарактеризована не только русская, но и башкирская, удмуртская, коми литературы» [с. 30]. Эта книга вышла из печати в 1998 г., а с середины 2000-х гг. разворачивается планомерное изучение литературы региона: проводятся ежегодные научные конференции «Литература Урала: история и современность», регулярно

выходят сборники статей и монографии. Центром этой плодотворной деятельности становится историко-литературный сектор Института истории и археологии Уральского отделения РАН. «Всё это дает основание предполагать, — надеются авторы введения, — что коллективное исследование литературы Урала будет иметь своим результатом академическое издание, к которому стремились наши предшественники» [Там же].

Ныне можно с полным основанием утверждать, что такое издание состоялось. Достаточно взглянуть на оглавление. Изданию предпосланы целых три вступительных части: «Предисловие» (написанное академиком В. В. Алексеевым), «От редколлегии» — чрезвычайно важная методологическая глава, заглавие которой, правду говоря, не только звучит бюрократически, но и вводит в заблуждение, и, наконец, «Введение», посвященное истории изучения вопроса. Основной текст состоит из восьми частей, которые, в свою очередь, делятся на главы, разделы, а в ряде случаев и подразделы, в зависимости от характера излагаемого материала. Книгу завершают резюме на английском языке (одна страница), список сокращений, колоссальная библиография, составленная Т. А. Арсеновой и Е. В. Харитоновой (697 заглавий), разделенная на части соответственно восьми частям книги, и, наконец, три указателя — имен, произведений и географических названий. Издание богато иллюстрировано — пусть черно-белыми, но порою уникальными иллюстрациями, начиная с «круглой» картины мира из «Словаря тюркских языков» Махмуда Кашгарского (XI в.) и кончая автографами Панкратия Сумарокова — сосланного в Тобольск внучатого племянника знаменитого поэта и драматурга XVIII в.

Пришло время описать тематическую композицию основной части «Истории литературы Урала».

В принципе, весь богатейший и многообразный историко-литературный материал излагается в хронологическом порядке, хотя в ряде случаев этот порядок нарушается. Так, например, книга открывается не разделом, посвященным древнейшим памятникам, бытовавшим на территории Уральского региона — памятникам тюркской традиции IX–XV вв., легшим в основу средневековой башкирской письменности, а частью первой, носящей заглавие «Православные традиции в культурно-историческом освоении Пермских земель», главное место в которой занимает глава, в которой рассказывается об

отражении миссионерской деятельности Стефана Пермского в устной и письменной традиции, то есть о фактах, относящихся к концу XIV в. и к более позднему времени. По всей видимости, нарушение хронологии литературной жизни региона и экспонирование устных и письменных традиций, создававшихся в связи не с арабо-персидскими и древнетюркскими, а с русскими прототипами, явилось следствием вполне обоснованного решения. Средневековая башкирская письменность, рассматриваемая в контексте литературы региона, явление уникальное, и не она, а именно древнерусская (новгородская и московская) традиция впоследствии окажет решающее воздействие на весь ход развития литературы Урала. Однако непонятно, почему авторы монографии, говоря о культурных и письменных традициях, решили заменить определение «древнерусские» прилагательным «православные». Разумеется, «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого носило православный, а вернее, и это гораздо важнее, христианский характер; разумеется, его автор ориентировался не только на русскую, но и на поздневизантийскую, а также южнославянскую традицию (знаменитое «плетение словес»), но всё же не православие, а именно русскость и самого Стефана, и его агиографа, а также стоящая за этим привлекательность древнерусской культуры для коренных народов Урала явилась решающим фактором, определившим дальнейшую судьбу региона. Мне не хотелось бы вступать в конфессиональные споры с авторами первой части — Л. С. Соболевой и П. Ф. Лимеровым, но с оглядкой на классические труды Ф. И. Буслаева, Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачёва позволю себе заметить, что христианские элементы в древнерусской культуре совершенно невозможно отделить от нехристианских. Именно поэтому древние коми-пермяки и могли воспринять проповедь Стефана, из которой они могли почерпнуть не только совершенно новые для них христианские истины, но также услышать в ней нечто родное и знакомое, без чего любой диалог становится невозможным.

Следуем, однако, далее. Как ранее упоминалось, вторая часть книги посвящена средневековой башкирской литературе. Мы попадаем в мир иной: в нем веет настоящим Востоком и подлинной древностью. Мы знакомимся с руническими надписями Булгарского государства, с памятниками письменности Первого и Второго тюркских каганатов (VI–VIII вв.), узнаем о племени биляров, которые, по

преданию, основали город Пешт на левом берегу Дуная [с. 79]. Подробно проанализировано «Сказание о Юсуфе» Кула Гали — единственный литературный памятник болгарской эпохи. А много ли знает русский образованный читатель о литературе тюркских писателей, проживавших на территории Золотой Орды, — о Хорезми, Катибе, Сайфе Сараи? Отдаем ли мы себе отчет в том, что суфийская литература процветала не только в Иране и в прилегавших к нему районах Средней Азии и Закавказья, но и на Южном Урале, а также в среднем Поволжье и в Предуралье? Все эти проблемы более подробно были изложены в упомянутой 6-томной «Истории башкирской литературы», однако ценность их нового краткого обзора состоит в том, что они впервые вписаны в перспективу многонациональной литературы региона. Таким образом, читатель «Истории литературы Урала» имеет возможность обозреть обширнейшую культурную панораму — от славян и Византии на западе (именно так, вопреки западной привычке видеть в ней один Восток) до Ирана на юге и монголо-манчжурского региона на востоке.

Перейдя к третьей части монографии, читатель вновь вернется в мир русских княжеств и познакомится с ролью русской устной и письменной словесности в процессе культурного освоения Урала, от походов новгородцев и жителей Старой Ладogi (XII–XIV вв.) до московской колонизации (XV–XVII вв.). Очень интересно описывает В. В. Блажес мифологизацию Урала и Приуралья в воображении русских людей того времени, что особенно ощутимо в преданиях москвитов о Золотой бабе, которая будто бы хранится у пермяков [с. 121–122], и в фольклорном «Сказании о человецах незнаемых в Восточной стране» [с. 122–125]. Позднее, по мере того, как русские на Урале превращались из пришлых гостей в коренных жителей, отцы и деды которых уже родились в этих местах, их фольклор становился все более своеобразным — уже не казацким, как это было на первых этапах колонизации, а горнозаводским. Так родилась сказочная проза, впоследствии давшая начало знаменитым уральским сказам о земных богатствах и их фантастических хозяевах. Благодаря же монахам-книжникам и сменившим их к концу XVII в. монахам-просветителям развивалась оригинальная местная письменность — урало-сибирские летописи, жития святых подвижников (агиографии) посвящен целый подраздел, написанный членом-корреспондентом

РАН Е. К. Ромодановской, прот. П. И. Мангилёвым и Е. С. Соболевой), полемическая литература. При монастырях создавались библиотеки, сыгравшие важную роль в распространении русского просвещения, — их подробное описание занимает целую главу, написанную прот. П. И. Мангилёвым [с. 138–148]. В то же время уже в XVI и XVII в. появляются библиотеки светские, среди которых в первую очередь следует назвать те, которые принадлежали роду солепромышленников Строгановых (глава написана Н. А. Мудровой [с. 149–158]). Авторы с полным основанием говорят о Строгановском культурном регионе в верхнем Прикамье, в него входили такие центры, как Верхотурье, Чердынь, Соль Камская, Орёл-городок (при впадении реки Яйвы в Каму). Именно там был создан уникальный рукописный сборник проповедей, озаглавленный его автором «Статир», которому посвящен отдельный очерк, написанный Л. С. Соболевой [с. 158–172]. Статир — золотая монета, которую Христос велел апостолу Петру вынуть из пойманной в море (т. е. в Кинеретском озере) рыбы, чтобы заплатить налог «за Мя и за ся» (Мф. 17 : 27). В данном случае статир истолковывается как исповедание слова Божия, но это слово получает характер активной «религии масс», «санкционирующей и стимулирующей повседневные занятия людей, их материальные интересы и прагматические устремления», в духе «осени Средневековья», описанной Й. Хейзингой [с. 171]. На этом, однако, обзор уральских библиотек не заканчивается: следующий подраздел, также написанный Л. С. Соболевой [с. 172–181], посвящен описанию крестьянских библиотек Прикамья, удивительное богатство которых свидетельствует о вовлечении в литературный процесс самой «демократической» (в специфически русском понимании этого слова) части населения Урала.

Внимание авторов четвертой части монографии — Е. К. Ромодановской и Л. С. Соболевой — сосредоточено на литературно-просветительской деятельности Тобольского митрополичьего дома, инициатором которой явился первый архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан (Старорусенков), водворенный на кафедру в 1620 г. Е. К. Ромодановская наиболее подробно останавливается на тобольском летописании Саввы Есипова — дьяка Тобольского архиерейского дома, среди прочего описавшего поход Ермака и присоединение Сибири к России.

Та же тема развивается далее и в пятой части монографии, в целом посвященной историческим повествованиям XVII и XVIII в. События, связанные с покорением Сибирского ханства, явились одним из важнейших тематических комплексов Строгановской летописи, основная редакция которой возникла в Сольвычегодске — центре владений уральских магнатов в первой половине XVII в. Справедливо сочтя этот памятник выдающимся не только по содержанию, но и по форме, авторы книги посвятили ему отдельную главу [с. 230–237]. Но существует также целый ряд так называемых народных, анонимных исторических описаний похода Ермака, например, Кунгурская летопись, «Сказание Сибирской земли», «Сказание о происхождении Ермака», ставшие предметом следующих подразделов. Следующая, третья глава пятой части повествует о выдающимся памятнике тобольской историографии — «Истории сибирской» Семена Ремезова, в которой центральное место занимают покорение Сибири и последующая христианизация края. Четвертая, завершающая глава историографической части рассказывает о старообрядцах Урала, в «согласиях» которых получила развитие оригинальная литературная традиция, важным элементом которой были исторические и псевдоисторические повествования — так называемые родословия. Вся пятая часть была написана Л. С. Соболевой, кроме разделов, посвященных народной «историографии» походов Ермака, автором которых явился В. В. Блажес.

Три последние части тома посвящены литературе горнозаводского Урала XVIII в. На смену позднему Средневековью приходит Новое время, меняется человеческое сознание, меняются исторические условия, в которых развивается литературная жизнь. На смену книжнику, ученому монаху-просветителю или анонимному «народному» автору приходит литератор-творец, индивидуальные качества которого всё сильнее влияют на характер произведений.

Шестая часть монографии носит заглавие «Типы словесности горнозаводского Урала XVIII в.». Предметом рассмотрения ее авторов (В. В. Блажеса, Л. С. Соболевой, В. Н. Соломеиной, Н. С. Корепанова и Е. П. Пироговой) является не литературное творчество, а разнообразные проявления литературно-просветительской деятельности — знаменитый сборник былин и песен Кирши Данилова из Нижнего Тагила, библиотека Акинфия Демидова, научные, деловые и эпистолярные сочинения Вилима де Геннина и документальное

наследие В. Н. Татищева, созданное им в период его жизни и деятельности на горнозаводском Урале. Внимание, уделяемое в данном случае не художественной литературе, а «периферийным жанрам очеркового и документально-производственного характера» [с. 289], вполне обосновано, так как две первые трети XVIII в. на Урале представляют собой эпоху интенсивного хозяйственного освоения края, которое опережало его духовное развитие, создающее условия для высокоразвитого художественного творчества. Поэтому В. В. Блажес рассматривает Сборник Кирши Данилова не с точки зрения художественного своеобразия содержащихся в нем произведений устного творчества, а как культурно-просветительское событие: в данном случае важнее сам факт появления такого сборника, хотя последнее не мешает ученому вспомнить об образах Садко, Василия Буслаева или киевских богатырей.

Документальной, очерковой и историко-описательной литературе Урала второй половины XVIII в., а также научно-популярной публицистике, посвященной Уралу и соседствующим с ним областям, посвящена следующая, седьмая часть монографии. Она открывается главой об образе уральского региона в записках западноевропейских и русских путешественников, написанной К. В. Анисимовым. Материал главы выходит далеко за хронологические рамки эпохи Просвещения, вбирая в себя сведения об античных источниках, содержащих описания Урала, об «уральском» фрагменте «Повести временных лет» (1096), о «Югорском дорожнике» Сигизмунда Герберштейна (1549) и о записках иностранных путешественников XVII в. Русские путешественники стали регулярно писать об Урале лишь в XVIII столетии, когда в России, вслед за Западной Европой, появился жанр путешествия как разновидности человеческой деятельности: это вышеупомянутый В. Н. Татищев, это Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев и, наконец, А. Н. Радищев. В следующей главе Е. Е. Приказчикова знакомит нас с мемуарной литературой XVIII в. об Урале — с «Записками...» И. И. Неплюева, «Историей одной благородной женщины» А. Е. Лабиной и с «Моим временем» Г. С. Винского. По необходимости краткая третья глава, написанная в соавторстве А. Г. и В. Ю. Прокофьевыми, рассказывает о литературной жизни Оренбургского края, начало которой было положено Оренбургской экспедицией 1734–1743 гг. Немало интересного материала содержит следующая, четвертая глава, посвященная

жизни и деятельности молодого Г. Р. Державина на Южном Урале и в Оренбуржье, а также уральским страницам державинских «Записок» и уральским, а шире — «киргиз-кайсацким» мотивам ранних од великого поэта («Читалагайские оды», «Фелица», «Видение мурзы»). Глава завершается обзором содержания самого «уральского» произведения Державина — комической оперы «Рудокопы», действие которой происходит «частью на заводе, частью в руднике Златогоровом, в Перми» [с. 387].

В конце седьмой части книги читатель сталкивается с несколько неожиданным предложением познакомиться с многовековой историей удмуртов, а заодно с просветительской деятельностью православной церкви и русских школ в XVIII в., способствовавшей появлению литературного творчества на удмуртском языке. Интересные примеры этого творчества (панегирические оды) приведены в оригинале и в русском переводе. Быть может, эту главу, написанную В. М. Ванюшевым и Т. Г. Владыкиной, стоило бы поместить в начало книги, сразу после части второй, посвященной башкирской литературе? Вопрос непростой. Подобного рода композиционные проблемы касаются многих материалов, помещенных в седьмой части: ведь анализ описаний Урала историками и путешественниками также отсылает нас к еще более глубокой древности.

Восьмая, заключительная и самая обширная часть монографии в целом напоминает всем привычные академические труды по истории литературы. Она повествует о регулярном литературном процессе на рубеже XVIII и XIX в. и разделена на три главы. Первая из них посвящена тобольским литературным журналам, вторая — творчеству поэтов круга «Иртыша» («Иртыш, превращающийся в Ипокрену» — так назывался первый урало-сибирский журнал), а третья — творчеству трех наиболее выдающихся урало-сибирских писателей той поры.

Культурной столицей Урало-Сибирского края в те времена был Тобольск, в котором благодаря присутствию местной творческой интеллигенции создались условия, благоприятные для книгоиздательской и журналистской деятельности, сохранявшей просветительский характер. Литературная жизнь сосредоточивалась вокруг журналов, и потому обзор их содержания, квалифицированно выполненный В. Д. Раком и О. В. Зыряновым, занимает весьма значительное место. Не меньшее внимание уделено шести выдающимся писательским

индивидуальностям. Каждый из этих авторов удостоился отдельного очерка жизни и творчества. Это поэты круга «Иртыша» П. П. Сумароков, И. И. Бахтин и Н. С. Смирнов, писатель и историк П. А. Словцов, эпиграммист А. И. Попов и выдающийся поэт, выходец из крестьянской среды И. И. Варакин, небезынтересный очерк о котором написала Е. К. Созина.

Таким образом, можно констатировать, что русская филологическая наука обогатилась новым уникальным фундаментальным исследованием, авторам которого удалось комплексно описать полидинамический и разнонаправленный литературный процесс целого культурного региона — Урала и его окрестностей, или так называемого Большого Урала. Создатели этого монументального труда отдают себе отчет в том, что этот беспрецедентный научный проект не лишен и слабых сторон (см. предисловие [с. 9–10]). Во-первых, в книге не нашлось места для анализа памятников письменности некоторых народов, проживающих на территории Большого Урала, — сибирских татар, мордвы, марийцев. Эти этносы не имеют административно-территориальной автономии в пределах Уральского региона, и потому обзор их письменности пришлось бы строить в том числе на основании неуральского материала. Во-вторых, в монографии исследуются не все культурные гнезда региона: обойдены молчанием некоторые жанры старообрядческой словесности, кроме представленных в книге исторических сочинений. В-третьих, не завершен обзор читательского контекста: кроме Строгановской и Демидовской библиотеки, неплохо было бы остановиться и на Турчаниновском книжном собрании, и на городском летописании XVIII–XIX вв.

Наконец, хотелось бы задать авторам рецензируемой книги вопрос, на который, видимо, нет однозначного ответа: где же проходят границы того Большого Урала, который явился предметом исследования в качестве культурного макрорегиона? Судя по отдельным главам монографии, в поле его притяжения находились, с одной стороны, Великий Устюг и Сольвычегодск, а с другой — обширные пространства Западной Сибири, вплоть до Иртыша; с одной стороны, Верхотурье, а с другой — Башкирия, Удмуртия и оренбургские степи. Не обрисовывается ли тут образ Урала «без берегов», «от Москвы до самых до окраин»? Аморфности предполагаемых границ региона способствует и один из основополагающих методологических

принципов, положенных в основу издания, — рассматривать «литературу, созданную на Урале и *написанную об Урале* (курсив мой. — В. Щ.)» [с. 23–24]. Но в таком случае может получиться так, что придется описывать произведения отдельных писателей всего земного шара, поскольку об Урале может написать в принципе каждый, в том числе и заочно, понаслышке.

С другой же стороны, современное изучение литературы не может ограничиваться анализом одних лишь «туземных» авторов и литературных фактов, без учета многоголосого ответа на тот удивительный, поистине уникальный природный и культурный феномен, каким является Урал. Литературный процесс динамичен, а границы его не могут быть представлять собою линию на географической карте. Поэтому «следование динамической “кривой” истории в анализе литературной географии региона и его литературного процесса» [с. 22], обозначенное как методологическое кредо соавторов, представляет собой самый оптимальный ориентир из всех возможных.

Остается только поздравить всех создателей этого монументального научного труда с выходом в свет первого тома и пожелать им успехов в дальнейшей работе по изучению литературы Урала.